

Article No 226

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.01>

Citation:

Алпатов, В.М. (2020). Зачем японцам американские синонимы?

Studia Rossica Gedanensia, 7: 19–25. <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.01>

Alpatov, V.M. (2020). Začem японцам amerikanskіe sinonimы? *Studia Rossica Gedanensia*, 7: 19–25.

<https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.01>

ЗАЧЕМ ЯПОНЦАМ АМЕРИКАНСКИЕ СИНОНИМЫ?*

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ АЛПАТОВ / VLADIMIR M. ALPATOV

Академик РАН / Member of the Russian Academy of Sciences

Российская академия наук / Russian Academy of Sciences

Институт языкознания / Institute of Linguistics

Отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии / Department of Southeast Asian Languages

Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям /

Research Center for National Languages Relations

Большой Кисловский пер. 1, стр. 1, 125009, Москва, Россия / Bolshoy Kislovsky Ln, 1,

125009, Moscow, Russia

E-mail: v-alpatov@iling-ran.ru

Scopus Author ID: 33067564500

(Получено / Received 7.11.2020. Принято / Accepted 9.11.2020)

Abstract

Why do the Japanese need American synonyms?

In the article the synonyms of the Japanese language of American origin are considered. The reasons of such loanwords' appearance and ways of development are analyzed.

Key words: synonym, loanword, sociolinguistics, American English, Japanese language

* Статья впервые была опубликована в коллективной монографии: *Конкуренция в языке и коммуникации*. Отв. ред. Л.Л. Федорова (Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2017: 57–64).

Резюме

В статье рассматриваются синонимы японского языка, имеющие американское происхождение. Анализируются причины формирования заимствований и пути их развития.

Ключевые слова: синоним, заимствование, социолингвистика, американский английский, японский язык

Безусловно, в любом языке есть синонимия. При этом конкуренция синонимов – один из основных видов конкуренции в языке; эта конкуренция обычно приводит либо к исчезновению или уходу на периферию части синонимов, либо к дифференциации синонимов по значению. Одна из главных причин появления синонимов – заимствование лексических единиц, передающих значения, для обозначения которых в языке уже есть какие-то средства (или, наоборот, придумывается исконный эквивалент для уже имеющегося заимствования, ср. *хавбек* и *полузащитник*, *геликоптер* и *вертолет*). Языки могут различаться по количеству имеющихся синонимов, хотя статистические методы здесь редко применяются и не всегда ясно, что и каким образом здесь считать.

Японский язык обычно считается одним из языков с развитой синонимией. Причины этого видят в наличии трех лексических подсистем: исконной лексики (*ваго*, то есть «японские слова»), китаизмов (*канго* «китайские слова») и слов, взятых из западных языков, преимущественно английского (*гайрайго*, то есть «слова, пришедшие извне», или, как стали говорить в последнее время, *катаканаго* «слова, пишущиеся азбукой *катакана*»).

Особый слой *канго* образовался, когда не имевшие до того письменности японцы заимствовали иероглифы (древнейшие памятники относятся к VII–VIII вв.), а вместе с иероглифами из Китая заимствовались и их чтения, подвергшиеся фонетической адаптации. В японском языке иероглиф, как правило, получал китайское, заимствованное и японское, подобранное по смыслу чтение (нередко тех и других чтений могло быть более одного). Китайское чтение обычно соответствует корню; среди *канго* есть лексические заимствования из китайского языка, но большинство их образовано в Японии из корней китайского происхождения.

Слова класса *ваго* чаще относятся к общеупотребительной, бытовой или поэтической лексике, среди них мало терминов. На письме *ваго* передаются либо иероглифами (корни слов), либо одной из двух употребительных японских азбук – хираганой (окончания, служебные слова, некоторые наиболее употребительные слова). А среди *канго* преобладают книжные слова, нередко непонятные на слух, но легко воспринимаемые в иероглифической записи. *Канго* всегда были связаны с книгой и письменной культурой, записываются они, как правило, иероглифами.

В результате в японском языке имеется много пар сходных по значению *ваго* и *канго*. Часто они либо записываются тем же иероглифом, по-разному чита-

емым, либо ваго пишется одним иероглифом, а канго – двумя иероглифами, один из которых тот же самый. Однако замена одного синонима (точнее, квази-синонима) на другой чаще всего невозможна в связи со стилистическими факторами. Слишком часто близкие по значению канго и ваго относятся к разным сферам. Например, эквивалентом русского *сердце* обычно считается японское ваго *kokoro*. Однако это обиходное слово издавна соответствовало переносным значениям соответствующего русского слова (переводиться может и как *дух* или *душа*). Сердце же как человеческий анатомический орган – канго *shinzoo* (слово, появившееся лишь в XIX в.). Если речь идет об отдельном человеке, то обычно употребление ваго *hito*, но человек как биологический вид – только канго *ningen*. Например, в дублированном на японский язык фильме *Планета обезьян*, где противопоставлялись люди и гориллы, первые именовались только *ningen*. Ваго *kotoba* может значить и *слово*, и *речь*, и *язык*, но в обиходной речи, а не в качестве лингвистического термина (по крайней мере, с XIX в.). В терминологическом же значении *слово* – *go* или *tango*, язык – *gen*, всё это канго. При этом *kokoro* и *shin* в *shinzoo* пишутся одним и тем же иероглифом, как и *hito* и *nin* в *ningen*, *kotoba* и *gen* в *gen*.

С начала европеизации во второй половине XIX в. до 40-х гг. XX в. новая научная, политическая и пр. культурная лексика большей частью формировалась путем создания новых канго. Однако приходившие из Америки и Европы предметы материальной и бытовой культуры и тогда обозначались с помощью *гайрайго*, которые в подавляющем большинстве случаев писались и пишутся до сих пор одной из двух японских азбук – катаканой, не имея иероглифической записи. Первоначально заимствования приходили из разных германских и романских языков, но сразу после «открытия» Японии в 50-х гг. XIX в. стали преобладать заимствования из американского варианта английского языка. Посетивший Японию в 1926 и 1932 гг. советский писатель Б.А. Пильняк замечал, что Япония не европеизируется, а американизируется (Пильняк 1935: 150). Количественное превосходство заимствований из английского языка стало еще более значительным, начиная с периода американской оккупации (1945–1952), оно сохраняется до сих пор.

Конкуренция одинаковых или близких по значению слов разного происхождения началась сразу, как только гайрайго стали массовым явлением. При этом, несмотря на то, что гайрайго никогда не составляли большинства лексики (в газетах в среднем к ним в 60-е гг. относились 4% слов, сейчас несколько больше), конкуренция синонимов почти всегда заканчивалась их победой. Отдельные исключения могли быть лишь результатом специальных мер. Наиболее активно эти меры предпринимались в годы японского милитаризма, но и тогда имели лишь частичный успех. Для бейсбола (игра, популярная в Японии примерно так же, как футбол у нас) было тогда придумано канго *yakyuu* (составлено из морфем со значением ‘поле’ и ‘мяч’) которое хорошо прижилось; впрочем, другие бейсбольные термины остались по происхождению американскими.

И в наше время бывают попытки ограничений в употреблении гайрайго, в том числе в деятельности полугосударственной радио- и телекомпании NHK, поскольку злоупотребления ими вызывают протесты зрителей (NHK, 1984,

8: 20). Ограничения не касаются лишь собственных имен. Многим зрителям не нравится как непонятность многих заимствований, так и их чужеродность.

И всё же чаще всего гайрайго вытесняют ранее образовавшиеся синонимы. Такой процесс начался еще до войны: например, еще тогда канго *hooka-shutaku* заменилось на *apaato* (из *apartment*) в качестве обозначения многоквартирного дома европейского типа (Iwabuchi 1993: 8). Затем гайрайго *roon* 'заем' из *loan* вытеснило старое канго *syakkin*, вызывавшее плохие ассоциации (Honma 1995: 53; Sotoyama 1993: 53); по этой же причине *gerpu* 'кредит' заменилось синонимом *kurejitto* (Sotoyama 1993: 53). В целом созданные до войны кальки – канго сейчас в значительной степени заменены гайрайго (Stanlaw 2004: 79). Фотоаппарат когда-то именовался канго *syashinki*, но теперь это разве что старомодный пластиночный аппарат, современная модель – только *kamera*. То же обычно происходит и там, где конкурируют одновременно появившиеся синонимы для обозначения новых понятий: в значении 'стыковка (космических аппаратов)' недолгая конкуренция в конце 1960-х гг. вновь изобретенного канго *renketsu* и гайрайго *dokkingu* скоро закончилось победой последнего. До европеизации японцы не употребляли в пищу молоко (и даже в 70-е гг. пили его не так часто). Появилось канго *gyuunyuu* 'коровье молоко', которое у нас еще полвека назад должны были учить студенты, но поначалу существовавшее параллельно *miruku* (*milk*) сейчас вытеснило его полностью.

Среди причин успеха гайрайго, по-видимому, наиболее важны две. Во-первых, на функционирование гайрайго влияет их большая понятность на слух, особенно по сравнению с канго, среди которых много омонимов; часто это помогает им вытеснить синонимы иного происхождения.

Во-вторых, распространению гайрайго помогает влияние американской массовой культуры и глобализации. Постоянна ассоциация гайрайго с современностью и престижностью, а слов иного происхождения – с отсталостью и бедностью. В торговле, по выражению одного автора, гайрайго появляются там, где продают мечту (Sotoyama 1993: 50). Как писал видный социолингвист Сибата Такэси, для многих слово, пишущееся катаканой, обозначает хорошую вещь (Shibata 1993: 20). Человек, не употребляющий гайрайго, может выглядеть старомодным (Stanlaw 2004: 268–269).

Конкуренция слов разного происхождения не обязательно означает вытеснения ваго и/или канго; близкие по значению слова могут сохраняться, поскольку их семантические расхождения могут оставаться актуальными. Часто разграничение идет по признаку «наличие – отсутствие связи с массовой культурой глобализации», в основном потребительской. В японском языке, разумеется, и до массового заимствования гайрайго имелись слова со значением *вчера* и *завтра*, сохраняющиеся в обыденных ситуациях. Но в одной рекламе, где противопоставлялись автомобили вчерашнего и завтрашнего дня, *вчера* было обозначено обычным японским словом *kinoo*, а *завтра* – американизмом *tomorrow* (*tomorrow*) (Stanlaw 2004: 299); см. также ресторан «tomorrow» в Токио. Скажем, новорожденный ребенок – *akachan*, но в товарах для новорожденных он будет *beebii* (*baby*) (Iwabuchi 1993: 12). Обычные японские товары, предлагаемые потребителю в новой расфасовке, могут именоваться с помощью гайрай-

го (Stanlaw 2004: 203). Это особенно часто в торговле, но такие различия могут встретиться и в иных сферах жизни. *Грамматика* по-японски *bitproo* (канго), но японец в интервью, вспоминая свои уроки английского языка в школе, употребил слово *guramaa* (*grammar*) (Endoo 1995: 13). Современная японка не купит кофточку мышинного цвета (*nezumiiro*), но если назвать ее цвет *guree* (*grey*), то к ней отнесутся иначе (Stanlaw 2004: 208).

Еще пример, с которым пришлось столкнуться мне: японец, узнав, что я из СССР, рассказал, что он там не был, а вот его жена туда ездила, назвав ее *waifu* из *wife*. В японском языке более десятка слов (ваго и канго) со значением *жена*; казалось бы, зачем еще слово? Но если речь идет о действиях, не сочетающихся с традиционными правилами женского поведения (например, если жена путешествует без мужа), то уместно именно *waifu*, а, скажем, не *kanai*, что буквально значит *внутри дома* (слово, правда, не употребляемое в отношении своей жены). Ср. указание на то, что японские местоимения второго лица, уместные, скажем, в обращении жены к мужу, трудно употребить по отношению к бойфренду, и современные японки могут обращаться к нему *уиу* (*you*) (Stanlaw 2004: 105). Тот же автор приводит слова японской женщины: ни одно из японских прощаний не передает идею прощания навсегда, поэтому лучше в таком случае сказать *goodbye* (Stanlaw 2004: 105).

Слова класса гайрайго в большинстве тесно связаны со вкусами, привычками, ценностями, идущими из США. Один из часто обсуждаемых примеров – своеобразный именной префикс *mai* из *ту* ‘мой’ (он может иметь и значение ‘мой’, и значение ‘личный, частный’). Зафиксированы: *mai-kaa* ‘личный автомобиль’, *mai-hoomu* ‘частный дом’, *mai-peesu* ‘свой ритм, темп’, *mai-taun* ‘мой город’ и даже *mai-meguro* ‘мое Мэгуро’ (название пансиона в токийском районе Мэгуро) (Shibata 1993: 20; Ekuni 1993: 128). Не всегда, но часто префикс по значению указывает на нахождение соответствующего предмета в сфере личной собственности говорящего. Подчеркивание идеи *privacy*, которая с трудом выражается средствами японского языка! Во внедрении этого префикса иностранные наблюдатели видят воспитание западного индивидуализма у японцев (Stanlaw 2004: 18).

Отмечают удобство гайрайго для обозначения всего необычного (Stanlaw 2004: 238–239), создание с их помощью эффекта новизны, которая (в отличие от новых канго, понятных благодаря иероглифам) не всегда предполагает понятность (Takiura 2007: 9).

Синонимы могут разграничиваться не только с точки зрения наличия или отсутствия связи с культурой потребления, бывает противопоставление по признаку «национальное – интернациональное». В Японии львы не водятся, но животное издавна было известно, прежде всего, благодаря пришедшему из Китая танцу льва (точнее, изображающего его человека) на буддийских праздниках, и именовалось *shishi* (канго). Но теперь *shishi* лишь танцует на праздниках, а хищник – *raion* (*lion*).

Впрочем, семантическая грань между гайрайго и близкими к ним по значениям ваго или канго может оказываться нечеткой. Японцы много веков употребляют в пищу рис (по-японски *meshi* или *gohan*), но сваренный по-европейски

рис стал называться *raisu* из *rice*. Однако, по мнению Дж. Стенлоу, хотя слова *meshi* и *gohan* вполне употребительны, но рис, сваренный по-японски, может называться и *raisu*; другое традиционное различие – *gohan* обычно подают в чашках, а *raisu* на тарелках – сейчас тоже не всегда соблюдается, поэтому различия уже неясны (Stanlaw 2004: 14–15). Другой похожий пример – *midori* и *guriin* в обозначении зеленого цвета. Вышеупомянутый Сибата Такэси указывал, что они, как правило, не могут заменяться одно на другое и не являются точными синонимами. Сибата приходит к выводу: их различие не всегда соответствует различию по признаку «японский – иностранный». Листья и трава всегда *midori*, но искусственное травяное покрытие для гольфа – *guriin*, как и кофточка. То есть всё естественное – *midori*, а искусственное, сделанное человеком – *guriin* (Shibata 1993: 17–18). Такая трактовка объясняет многие примеры. Но вот в телевизионной передаче о природе Окинавы показали маленькую тропическую ящерицу: природный объект, причем даже живущий в Японии. Но ее цвет был охарактеризован словом *guriin*! Так что скорее разница всё же в культурных ассоциациях: всё экзотическое (а Окинава для большинства японцев – всё же не типичная Япония) и всё явно связанное с западной культурой – скорее *guriin*.

Чуть ли не каждое английское слово может быть заимствовано в японский язык, хотя бы в составе сочетаний. Скажем, *language* ‘язык’ обычно не употребляется как отдельное слово, но лингвистическая лаборатория – *rangeeji-rabo* (Stanlaw 2004: 79); овца – *hitsuji*, но один из видов дикой овцы в надписи в зоопарке именуется *baabariishiipuu* (*barbarian sheep*). По выражению одного из авторов, мы имеем дело не столько с заимствованием в обычном смысле, сколько с абсорбцией японским языком английского словаря (Passin 1980: 55). Японский язык вбирает в себя (разумеется, потенциально) весь словарь английского языка так же, как когда-то вобрал весь словарь китайского языка (Passin 1980: 63).

Немало сложных слов или словосочетаний сконструировано из компонентов английского происхождения в самой Японии, отсутствуя в английском языке: *noo-airon* ‘нет’ + ‘утюг’ = ‘изделие, которое нельзя гладить’, *noo-mai-kaa-dee* ‘нет’ + ‘мой’ + ‘автомобиль’ + ‘день’ = ‘день, когда не рекомендуется пользоваться личными автомобилями’.

Отмечу одну парадоксальную, на первый взгляд, ситуацию. Столь значительное число заимствований из английского языка, по крайней мере, до недавнего времени вовсе не означало, что японцы, даже хорошо знающие гайрайго, свободно владеют английским языком. Так было даже в 90-е годы. Во время одного из международных исследований сравнивался уровень владения английским языком в 152 странах, и Япония оказалась на четвертом месте от конца, ниже Ирана, Индонезии и Эфиопии (Honma 1995a: 58; Loveday 1996: 99). По данным Н. Готлиб, сходные результаты были получены и в 1998 г., когда Япония оказалась на 180 месте среди членов ООН и на последнем месте в Азии, и в 2001–2002 гг. (Gotlieb 2005: 32, 70). Положение изменилось лишь в последние годы: с 2011 г. в Японии проводится реформа образования, главным компонентом которой является значительное увеличение преподавания английского языка на всех уровнях (Железняк, Тебин 2014). Ситуация же с гайрайго существует уже несколько десятилетий.

Итак, в японском языке, с одной стороны, гайрайго постоянно конкурируют с канго и в меньшей степени с ваго; победа чаще остается за гайрайго. С другой стороны, слова различного происхождения в целом занимают в языке разные «ниши», что способствует устойчивости квазисинонимов, различающихся если не денотативным, то хотя бы коннотативным значением. Эти «ниши» образовались более тысячелетия назад, когда японцы подверглись значительному влиянию Китая, в том числе в языковой области. Заимствования из английского языка хорошо вписались в эту систему.

Библиография / References

- Ekuni, Shigeru (1993). *Gairaigo nitsuite* ['Regarding loanwords']. In: Kawadeshobō (Ed.). *Kotobadokuhon gairaigo* ['Loanwords in Textbooks']. Tokyo: Kawadeshobō-shinsha [Publishing House Kawade]: 125–131.
- Endoo, Hachiroo (Ed.) (1995). *Nihonjin no eigo, gaikokujin no Nihongo* ['English of Japanese people, Japanese of English people']. Tokyo: Sanseido: 97–193.
- Gottlieb, N. (2005). *Language and Society in Japan*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Honna, N. (1995). *English in Japanese Society: Language within Society*. In: Multilingual Japan. Clevedon–Philadelphia–Adelaide: Multilingual Matters.
- Iwabuchi, Etsutaroo (1993). *Gairaigo* ['Loanwords']. In: *Gairaigo* ['Loanwords']. Tokyo: Kotoba-Yomiuri.
- Loveday, L.J. (1996). *Language Contact in Japan: A Socio-Linguistic History*. (Oxford Studies in Language Contact). Oxford: Clarendon Press.
- NHK-nempoo* (Japan Broadcasting Corporation) (1984). Tokyo.
- Passin, H. (1980). *Japanese and the Japanese: Language and Culture Change*. Tokyo: Kinseido.
- Pil'nák, B. (1935). *Kamni i korni*. Moskva: Goslitizdat [Пильняк, Б. (1935). *Камни и корни*. Москва: Гослитиздат].
- Shibata, Takeshi (1993). *Gairaigo wa nihongo o midasuka* ['Do Western loanwords contaminate the Japanese language?']. In: *Gairaigo* ['Loanwords']. Tokyo: Kotoba-Yomiuri.
- Sotoyama, Shigehiko (1993). *Gairaigo o ukeireru shinri* ['Hearing of the Case on Loanwords']. In: *Gairaigo* ['Loanwords']. Tokyo: Kotoba-Yomiuri.
- Stanlaw, J. (2004). *Japanese Language: Language and Culture Contact*. Hong Kong: Hong Kong University Press.
- Takiura, Masato (2007). Koshoo no poraitonesu. 'Hito o yobu koto' no goyōron ['Politeness of address forms: Pragmatics on 'addressing people']. *Gekkan Nihongo* ['Japanese Language Monthly'] 36.12: 32–39.
- Železnák O., Tebin N. (2014). Osvoenie ŷyka svobody. *Nezavisimā gazeta*, 23.05.2014 [Железняк, О., Тебин, Н. (2014). Освоение языка свободы. *Независимая газета*, 23.05.2014].

Competing interests: The author declares that he has no competing interests.